
В. В. ДЕНИСОВ

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

К. Маркс был не первым философом, занимающимся изучением проблемы соотношения научной теории и общественной практики. Но никто другой не придавал этому вопросу столь важное значение, как К. Маркс, поскольку он был убежден, что нужно не только объяснять мир, но и изменять его, переделывать в соответствии с познанными законами и потребностями наличного бытия. Для этого необходимо соединение познания и практики, ибо разрешение жизненных противоречий не является задачей только познания, это возможно осуществить лишь посредством практической деятельности людей. Единство познания объективной действительности, ее практического постижения и революционного изменения с целью высвобождения человека от сковывающего его свободное развитие давления природной и социальной среды лежит в основе марксистской концепции деятельности.

Опираясь на все богатство мирового философского наследия, К. Маркс существенно обогатил понимание сущности и роли как теории, так и практики для человеческой жизнедеятельности, раскрыл характер и механизмы их органической взаимосвязи, доказал, что это две тесно связанные между собой стороны деятельности, исторически переплетающиеся и диалектически взаимодействующие, дополняющие друг друга. Марксизм не только обосновал необходимость связи познавательной-духовной и материально-практической деятельности, но и показал, что

успешной и эффективной может быть только практика, основывающаяся на научной теории, познанных ею законах. С другой стороны, только наука, взаимодействующая с жизненной практикой, ориентированная на социальные нормы общественной жизни, способна выполнять свои функции, служить созидательным целям, потребностям общества и человека.

Разрабатывая концепцию соотношения теории и практики, К. Маркс поднимал целый ряд проблем общественного бытия и сознания, выходил на широкий круг вопросов гносеологии, онтологии, методологии. Учитывая непреходяще актуальное значение основных марксистских положений по данной теме для современности и новейшей российской истории, остановлюсь на некоторых аспектах этой проблематики, имеющих отношение к коммунистическому и посткоммунистическому периодам.

В начале 90-х годов тогдашний президент США Р. Рейган выступил с заявлением, что «холодная война» между двумя общественными системами закончилась поражением социализма. В последующие годы этот тезис муссировался на разные лады и по разным поводам. При этом утверждалось, что главной исходной причиной поражения социализма явилось то, что он основывался на идейно-мировоззренческой базе марксизма, руководствовался его принципами и установками в построении новой модели общественного устройства. Утверждалось, что именно следование марксистскому учению определило тупиковый путь развития советского общества и других социалистических режимов, созданных по его образцу. Из этого утверждения делались далеко идущие выводы о том, что будто бы не существует альтернативы капиталистическому способу хозяйствования и системе западных социальных институтов и ценностей.

Представляется, что подобного рода высказывания о причинах поражения социализма с «советским лицом» не являются научно корректными и не соответствуют объективной реальности. В действительности, на мой взгляд, все обстояло как раз наоборот, причина была прямо противо-

положного свойства. Советский социализм сошел с арены истории, не выдержал конкурентной борьбы с вовремя перестроившимся капитализмом прежде всего потому, что он был весьма далек от того марксизма и социализма, который представлен в оригинальном учении К. Маркса.

Хотя и провозглашалось, что у нас все делается «по Марксу», но это был самый грандиозный миф XX столетия. Положения аутентичного марксизма получали зачастую абсолютно искаженную трактовку, вульгаризировались в угоду прикладной полезности, выполняли роль «мыслительного инструмента» для удовлетворения текущих практических потребностей политики, служили задачам внутрипартийной борьбы, подавлению любых проявлений инакомыслия. Теория превращалась в орудие апологии действий руководства партии, обоснования их исторической необходимости и политической целесообразности.

Практика массовых репрессий и тотального принуждения, культ личности вождей и неприятие любой критики снизу, отсутствие широкой гласности и контроля со стороны масс за деятельностью руководящих органов, запрещение забастовок рабочих и подавление силой крестьянских движений протеста, предельная догматизация теоретической мысли и отрицание в принципе какого-либо идеологического плюрализма, фактическое отчуждение власти от народа – все это и многое другое не совмещается с марксистским учением, с его творческим и гуманистическим содержанием.

Лозунги, под знаменем которых совершалась социалистическая революция 1917 года, не стали по большому счету жизненными реалиями, социалистические идеалы, столкнувшись с антагонизмами советской действительности, померкли, были выхолощены и во многом отвергнуты тем общественным строем, который претендовал на звание «реального социализма». На деле это был скорее виртуальный, мнимый социализм. Наверное, если бы Маркс мог ознакомиться с тем, что у нас называлось марксизмом и социализмом, он повторил бы свою знаменитую фразу: «Извините, господа, но в этом случае я не марксист». Негативное

влияние догматизма идеологии и волюнтаризма политической практики неизбежно сказывалось во всех сферах жизни советского общества, сводило на нет преимущества социалистической системы, оборачивалось огромными потерями и деформациями. Бичом общественно-политической практики была кампанейщина, бесконечно проводимые кампании, носящие подчас надуманный и нелепый характер. Кампания принудительной посадки кукурузы, подмены профессионального искусства самодеятельностью, возведение в культ посредством извращенной трактовки марксизма свободного времени, когда начали забывать о существовании вообще рабочего времени, и последовавшая за ней кампания по ужесточению трудовой дисциплины, вылившаяся в отлавливание в рабочее время женщин в парикмахерских, а мужчин в банях, кампания борьбы с пьянством, закончившаяся уничтожением виноградных плантаций. Примеров подобного рода множество, но ведь за всеми этими шараханиями из одной крайности в другую, проявлениями теоретического невежества и политического бескультурья, потери чувства меры, стояла судьба страны, авторитет социализма в глазах трудящихся всего мира.

Наш воинствующий материализм был, наверное, самым воинствующим и агрессивным, носил черты религиозного фанатизма. Он служил идейной почвой для разжигания классовой враждебности и оправдания репрессивной политики, даже когда в этом не было необходимости. Что стоил нашему обществу известный тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения по пути к социализму. А ведь основоположники марксизма, выступая против классовой ограниченности и жесточенности, специально подчеркивали, что движение пролетарских масс «по существу гуманистично», что «по принципу своему коммунизм стоит выше» вражды между классами, что «он является делом не одних только рабочих, а всего человечества»¹.

Известно, что в управлении государством недопустимо смешение функций разных органов власти и общественных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 516, 590.

организаций, требуется высокий уровень профессионализма и компетентности. Но уже через несколько лет после революции возникла проблема непомерного и неправомерного вмешательства партийных органов в деятельность общественных организаций, стремление к подмене их. В частности, проявилась тенденция к огосударствлению проф-союзов, на которую обратил специальное внимание В. И. Ленин и против которой он решительно выступал. Однако в последующем эта порочная практика не только продолжалась, но и приняла всеобщий характер. Партийные органы и их работники, независимо от своей квалификации и компетентности, брали на себя решение всех вопросов, диктовали специалистам разных профессий, что и как надо делать. Гиперболизация принципа централизованного планирования и директивного определения конечных результатов экономической деятельности приводили к неизбежным сбоям в развитии народного хозяйства, хроническому невыполнению пятилетних планов, так как при этом было невозможно охватить и учесть все особенности отдельных регионов, отраслей и предприятий, предусмотреть возможные изменения внутренних и внешних условий. В свою очередь, форсированное развитие некоторых отраслей промышленности, осуществлявшееся значительно выше допустимых для нормального производственного процесса темпами, приводило к бесконечным корректировкам и дополнениям намеченных планов, к возникновению диспропорций между отраслями народного хозяйства.

Считалось, что все у нас делается на научной основе — от выработки пятилетних планов и национальной политики до дойки коров и стрижки овец. В партийных документах содержались заявления о возрастающей роли науки в развитии производительных сил и совершенствовании общественных отношений, призывы к смелому научному поиску и соревнованию идей. Но на деле все сводилось к формальным декларациям, а реальная действительность свидетельствовала о другом. Достаточно вспомнить отношение к генетике, кибернетике, социологии, психологии, политологии и ряду других научных дисциплин и направлений, которые

как раз в наибольшей степени определяли научно-технологический и социальный прогресс. А как безобразно обстояло дело с внедрением научных достижений в практику в силу незаинтересованности в этом производственных предприятий и коллективов. Научные сотрудники академических институтов по собственному опыту хорошо знают печальную судьбу многочисленных записок и предложений по насущным вопросам жизни страны, направлявшихся нами в партийные и правительственные органы. Но все это было «гласом вопиющего в пустыне». А ведь именно практика социалистического общества, основой которого являлась общественная собственность, система государственного планирования и управления, диктовала необходимость повышения роли сознательного фактора в целеполагающей деятельности научного руководства всеми общественными процессами, теоретического обоснования принимаемых решений и анализа их результатов.

Игнорирование научной теории, дающей познание законов развития и функционирования общественной жизни, порождало волюнтаристские ошибки и всякого рода перекосы, вело к проявлениям стихийности и общей нестабильности, социальной напряженности и национальным противоречиям. Например, существовавшие перекосы в соотношении материальных и моральных стимулов к труду, в принципах оплаты труда, ставка на «голый энтузиазм» обуславливали негативные явления в экономической жизни, так как не обеспечивали заинтересованности работников, порождали безынициативность, равнодушие, безответственность, вели к снижению производительности труда.

В обстановке идеологической и политической тоталитарности допускались серьезные ошибки при принятии важных государственных решений, так как они нередко основывались на искаженной и ложной информации. Вместо правдивых сведений наверх часто шла не правдивая, а желательная и удобная власти информация. В отношении же правдивых сведений, отражающих объективную реальность, занималась зачастую «страусовая» позиция.

Можно, конечно, говорить о том, что не было готовых рецептов для перехода от капитализма к социализму, что ни одна теория не могла дать исчерпывающий ответ на все вопросы, возникающие в процессе этого первого в мировой истории уникального социального эксперимента. Как писал Ф. Энгельс «все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем»². Жизнь не стоит на месте, она подвижна и всегда богаче, разнообразнее, «хитрее» любой теории. Но тем более необходима была скрупулезная взвешенность и тщательная теоретическая проработка каждого принимаемого решения и каждого практического действия, недопущения проявлений волонтаризма, пресечения попыток навязывания обществу чьей-либо субъективной воли и некомпетентного диктата.

Парадокс советского социализма состоял в том, что несмотря ни на что, ценой нечеловеческих усилий и огромных жертв, чрезвычайных мер и массового энтузиазма достигались впечатляющие успехи в индустриализации страны, в развитии образования, науки, культуры. Невиданно быстрыми темпами были ликвидированы неграмотность и безработица, из отсталой и полуколониальной страны, где иностранный капитал занимал до 80 процентов во всех отраслях промышленного производства, СССР превратился в мощную державу, выдержавшую агрессию нацистской Германии и одержавшую победу, спасшую мир от фашистского рабства. Московское метро было лучшим в мире, а Останкинская телебашня самой высокой в Европе, мы первыми вышли в космос и имели самый мощный астрономический телескоп. СССР обогнал другие государства по выплавке стали и чугуна, по количеству издаваемых книг и библиотек, инженеров, врачей, научных работников. Такова правда истории, ее невозможно игнорировать и предавать забвению. Вместе со всеми извращениями и пороками социализма нельзя «выплескивать» все созидательное и героическое, что совершил народ в эти годы, его трудовые

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

и ратные подвиги. В советском социализме переплелось и слилось воедино добро и зло, великое и низменное, прогрессивное и консервативное, подвиги и преступления, милосердный гуманизм и жестокий фанатизм. Его трагедия заключалась в том, что общепризнаваемые преимущества и достижения не оказывали того влияния, которое они могли и должны были оказывать на общий процесс цивилизационного развития страны, не улучшали коренным образом жизнь народа, страдавшего от хронического дефицита всего необходимого для достойной и свободной жизни.

Наверное, наибольшая вина КПСС перед собственным народом и трудящимися всего мира состоит в дискредитации идей и идеалов научного социализма, в том, что в руководстве партии оказались люди ущербные по своим профессиональным и человеческим качествам; что не был дан решительный и своевременный отпор проидам и подрывным действиям внутренних и внешних контрреволюционных сил. Историческая практика еще раз подтвердила необходимость защиты революционных завоеваний в любой форме и всеми возможными средствами. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным на этот счет Вилли Брандтом, считавшим, что возникшая благодаря серьезным деформациям пропасть между теорией научного социализма и практикой его реального воплощения поставила под вопрос правомерность самой социалистической идеи. Извращенная и опошленная несколькими поколениями партийных нуворишей, дискредитированная их некомпетентным и диктаторским руководством, социалистическая идея стала переживать критический момент. Чтобы выйти из кризисного состояния и вписаться в «контуры XXI века» социализм должен вновь обрести свою притягательную силу для широких масс трудового народа.

Отрыв теории от практики, как полагал В. И. Ленин, есть «одно из самых больших зол и бедствий» для социализма. В этом случае, писал он, теория вырождается и теряет свою силу и значимость. Теория становится важнейшим двигателем общественного развития только тогда, когда

она «вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени»³.

Путь преодоления разрыва между теорией и практикой хорошо известен и давно апробирован. Он заключается в том, чтобы, с одной стороны, сама научная деятельность приобретала характер материального производства, становилась органической частью производственной и общественной практики, включала в себя на равных основаниях различные предметно-чувственные формы деятельности. С другой стороны, необходимо, чтобы практическая деятельность вбирала в себя новейшие достижения науки, происходил непрерывный процесс реализации научных открытий и теоретических идей в материальные и духовные сферы жизни общества. Однако достижения и опыт развернувшейся научно-технической революции были проигнорированы, а сама она фактически прошла мимо нашей страны, не смогла преодолеть господствующую косность и консерватизм мышления, бюрократические препоны нашей государственной системы. Отдельные же прорывы в некоторых областях, связанные прежде всего с военным производством и космосом, не могли кардинальным образом изменить общую обстановку застоя и нарастающего отставания социализма на основных направлениях современного научно-технологического и социального развития.

И дело, конечно, не только в отдельных теоретических ошибках и допущенных практических перекосах, в неправильном восприятии и применении тех или иных принципов марксистского учения. Главное заключается в несоответствии нашей социалистической теории и практики общему творческому духу марксизма, в игнорировании его имеющих принципиальное значение требований «конкретного анализа конкретной ситуации», постоянной критической оценки всего сущего, самокритичного отношения к проводимой партией политики, необходимости новаторского развития теории, обогащения ее данными практического опыта и научного знания.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 105, 302.

Отмечая, что практика органически включается в познавательную деятельность, становится объектом и результатом познания, критерием его истинности, основоположники марксизма призывали непрерывно сверять теорию с теми результатами, к которым она приводит, проверять, как соотносятся ее выводы с объективной действительностью. Они также подчеркивали особую важность соблюдения этих принципов при осуществлении революционных преобразований, в ходе которых возникают новые явления и формы жизнедеятельности, требующие творческого научного осмысления.

Советский социализм проглядел не только научно-техническую революцию, он не заметил и проигнорировал многое другое, не менее важное. Например, приход в жизнь страны новых поколений людей с более высоким уровнем образования и культуры и, следовательно, более критически мыслящих и оппозиционно настроенных к проявлениям тоталитарности и диктаторства, неравенства и несправедливости, к ограничениям свободы и прав человека. И это, конечно, сыграло не последнюю роль в стимулировании процесса внутреннего брожения и начале разложения советского общества, внесении сомнения в разумности и рациональности существующих порядков, их экономической эффективности и нравственной оправданности. Нелишне вспомнить в этой связи марксистское положение о том, что история есть последовательная смена поколений, каждое из которых не только продолжает унаследованную деятельность при изменившихся условиях, но и «видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»⁴. Поскольку не произошло своевременных естественно-эволюционных изменений социалистического строя, начались изменения другого порядка, которые обычно обходятся «дороже» и сопряжены с неизбежными катаклизмами.

Народ смирялся с трудностями и невзгодами, связанными с революционной разрухой и гражданской войной, готов

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44–45.

был перенести тяготы пятилеток ради скорейшего индустриального развития страны и во имя построения нового справедливого и свободного общества, шел на сознательные жертвы и всевозможные ограничения во время войны, отдавая все для достижения победы. Он с пониманием и терпением переживал трудности послевоенного восстановительного периода. Но через сорок лет после окончания войны, когда залечены были ее основные раны, люди стали задумываться и задавать вопросы, на которые официальная власть не могла или не хотела давать ответ. Например: почему побежденные живут лучше победителей, зачем нужно тратить такие огромные средства на финансирование иностранных компартий и революционных движений, на безвозмездную помощь десяткам стран третьего мира, когда в собственной стране запущенное сельское хозяйство и устаревшее оборудование многих промышленных предприятий, острая нехватка жилья, больниц, детских учреждений, нет хороших дорог и качественных товаров народного потребления. Становилось очевидным, что так жить дальше нельзя. В «холодной войне» не Запад одержал победу, а социализм сам нанес себе поражение, исчерпал лимит народного доверия и терпения.

Авторитет марксистского учения и социалистической идеи, судьба самого социалистического общества зависела, прежде всего, от правильного руководства страной, научно обоснованной стратегии и тактики коммунистической партии, насчитывавшей в своих рядах свыше 19 миллионов человек. В 1922 году на XI съезде партии В. И. Ленин высказал пророческое предупреждение: «В народной массе мы (коммунисты. – *В. Д.*) все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого... вся машина развалится»⁵. Именно это и произошло, социалистический строй стал деформироваться и разваливаться не столько из-за обострения противоречий между производительными силами и производственными отношениями, сколько из-за нарастающего

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112.

отчуждения власти от народа, ее неспособности осознать новые веяния реальной жизни и настроения масс. У руководства КПСС не хватило мудрости, умения, политической воли для проведения со всей очевидностью назревших глубинных системных реформ, которые смогли бы обеспечить развитие производительных сил на базе современных технологий, усовершенствовать всю систему надстройки на демократических началах, коренным образом улучшить качество жизни народа. КПСС отстала от стремительного бега новейшей истории с ее динамично изменяющимися парадигмами бытия и сознания, инициативу назревшей модернизации и демократизации общества перехватили другие социальные силы.

В истории нередки случаи, когда научные теории великих мыслителей в последующей интерпретации их адептами извращались до неузнаваемости, а общественная практика, будто бы основывающаяся на них, принимала совершенно не соответствующий их действительным принципам облик, приводила к результатам, обратным желаемым. Достаточно сослаться на учение дарвинизма, создатель которого не мог себе, конечно, представить, что его формулы «естественного отбора» и «борьбы за существование», касающиеся исключительно закономерностей живой природы, будучи перенесенными на явления общественной жизни, станут служить апологетике расизма и обоснованию нацистской политики геноцида. Некоторые положения фрейдистского учения психоанализа были взяты на вооружение милитаристскими кругами, использованы для оправдания агрессивной политики фашизма, хотя, как известно, сам З. Фрейд был последовательным пацифистом и выступал с осуждением любых проявлений насилия и агрессии. Аналогичное произошло и с марксистским учением, адепты которого использовали его в своих далеко не всегда праведных целях, предварительно подвергнув существенной деформации. Ссылками на марксизм, путем научно некорректного истолкования его отдельных положений пытались оправдать применение силы ради «высоких целей» даже тогда, когда в этом не было объективной необходимости, обосновывалась практика революционного экстремизма.

Что же касается марксистского учения, его судьбы и роли в мировой научной мысли и общественно-исторической практики, то, наверно, следует согласиться с высказанным американским философом Даниэлом Беллом мнением, что с момента возникновения марксизма вся мировая философия представляет «по сути диалог с Марксом». Этот диалог не окончен, он продолжается, и только будущая история сможет дать ответ, за кем будет последнее слово.

Известно, что многие научные истины по тем или иным причинам долго не становились социальной реальностью. Так же, как оставалась нереализованной возможность построения общества, основанного на подлинно справедливых и гуманных началах. Но история, которую К. Маркс сравнивал с «кропотливым кротом», медленно, но упорно и целенаправленно роющим свою дорогу, в конечном счете неизбежно найдет путь к такому общественному устройству, которое даст людям Свободу, Равенство и Братство.

С начавшимся в России модернизационным процессом связывались надежды демократической перестройки общества, создания гражданского общества и правового государства, свободно и эффективно функционирующей экономики. Но на смену тоталитарному антигуманизму пришел рыночный антигуманизм, вместо диктатуры партийных вождей наступила диктатура «денежного мешка», за счет криминального бизнеса и коррумпированной бюрократии, разгул беззакония и состояние безвластия. Все это явилось результатом изначального отсутствия научно обоснованной и прогностически проработанной концепции модернизации, определяющей приоритеты и учитывающей последствия реформаторских действий. Акцент первоначально делался на «отрицательные цели», основная энергия была направлена на разрушение всего прошлого, на отрицание без всякой дифференциации всей исторической действительности социалистического периода. Торопясь в очередной раз «разрушить всё до основания, а затем...», пришедшие к власти новые российские лидеры решали задачу построения «рыночного рая», сообразуясь лишь с собственными субъективными представлениями и весьма ограниченными знаниями о рыночной экономике и демо-

кратии.

Если социалистическая практика строилась во многом на неверных теоретических предпосылках, то «прорабов» перестройки невозможно обвинить в теоретических ошибках, поскольку они не имели вообще фактически никакой конструктивной научной стратегии. Считалось, что достаточно будет продекларировать принципы рыночной экономики, и она заработает сама по себе, автоматически приведет к всеобщему подъему и благосостоянию. Стоит лишь заявить о приверженности к общечеловеческим демократическим ценностям, и всем гражданам будут гарантированы равные возможности пользоваться конституционными правами и свободами. Что получилось в результате – теперь всем хорошо известно. Игнорирование объективных закономерностей и реальных условий, слепое подражание западным социально-экономическим моделям привело к глубокому кризису всех сфер общественной жизни, обернулось огромными материальными и нравственными потерями, массовым обнищанием народа. Новый «демократический эксперимент» в России потерпел фиаско, его разрушительная сила сравнима с ущербом, нанесенным нашей стране Отечественной войной 1941–1945 гг.

Иначе, конечно, и быть не могло, если огромная страна уподобляется кораблю, пускающемуся в плавание по бурным водам океана без компаса и опытной команды. Но здесь возникает один вопрос. Известно, что отсутствие политики есть тоже политика. Речь идет, конечно, о политике, открыто провозглашаемой и доводимой до сведения широких масс. Что же касается скрытой политики, которая сознательно утаивается и маскируется, то это делается обычно потому, что те, кто ее проводит, опасаются не получить поддержки большинства общества, кому есть что скрывать от своего народа. Безусловно, если бы было известно, что в действительности скрывается за так называемыми демократическими реформами, чем они выльются для народа, то вряд ли он изначально оказал бы поддержку их авторам и проводникам. Ведь высказалось же две трети советских граждан на Всенародном референдуме в марте 1991 года

против роспуска Советского Союза. А Беловежское соглашение в декабре 1991 года, означавшее развал великой мировой державы, было подписано руководителями трех республик, не имеющих на это законных полномочий, и фактически тайком от своих народов. Но за все, как всегда, приходится расплачиваться народу.

Ангажированный антикоммунистический характер связанной в последние годы кампании против марксизма, по заказу и на деньги тех, кто питает к нему патологическую ненависть, объясняется тем, что именно он раскрывает «секрет» капиталистической наживы, объясняет природу и механизмы господства капитала, показывает пути и средства ликвидации всех форм эксплуатации и отчуждения посредством передачи собственности на средства производства и политической власти в руки самих производителей материальных и духовных ценностей.